

Г 93

32380.

С Тудзенко



ОДНОПОЛЧАНЕ

СТИХИ

с советский писатель 1944

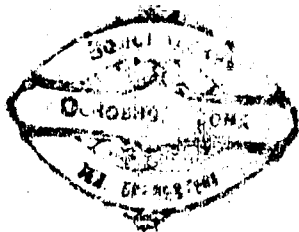


С. ГУДЗЕНКО

ОДНОПОЛЧАНЕ

Стихи

32380



СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва 1944

Г-93

НАЧАЛО

ПУТЬ

Студентам ИФЛИ, однополчанам

Наш путь, как Млечный —
раскален и долог.

Мы начали в июне,
на заре.

В пыли —
с тавром готическим осколок.

В мешке —
на двое суток сухарей.

Тяжелый шаг.
Как будто пыль дороги

колотят стопудовым колуном.

Я не грустил о доме и пороге,
с любимой не прощался под луной.

Мы были юны.

И мужская дружба

ценилась нами выше всяких благ.

Мы говорили:

«Что нам в жизни нужно?

Устать в дороге,

воду пить из фляг».

Мы с детства не боялись расгаванья.

Мальчишки,

окаянней кистеня,

мы полюбили холод расстояний

на оголтелых волжских пристанях.

Но с колыбели

родина Россия

была для нас

свободой и судьбой.

Мы ширь степей

в сердцах своих носили

и на заре

пошли за это в бой.

Был путь, как Млечный —

раскален и долог.

Упрямо выл над ссснами металл.

Обветренный,

прокуренный филолог

военную науку постигал.

Он становился старше
и спокойней
и чаще письма матери писал.
Мы говорили:
«Отбушуют войны,
Мы по-другому взглянем в небеса.
Сильней полюбим
и сильней подружим.
Наш путь, как Млечный —
вечно раскален.
Нам дня не жить
без битвы и оружия.
И будет порох
словом заменен».

ЛЮБОВЬ

Походы.

Бои.

И не мне одному
думать о девушке на привалах.

Наша любовь

от письма к письму
по гулким станциям кочевала.

Как в песне поется,

приказ ему дан.

Он едет на запад,

она остается.

В теплушке грустит

и бушует баян.

На запад,

на запад, —

так в песне поется.

Я к ночи совсем от песен охрип

и жел уже только одними губами.

Последняя станция.

Надпись «окрип»¹.

И весь батальон стоит с котелками.

Нам снова дорога в заснеженный лес.

Мне дали письмо...

Размашистый почерк.

Но адрес обратный:

ДКА ППС,

и пишешь ты кратко,

бессонною ночью.

...Походы.

Привалы.

Не мне одному

думать о девушке в серой шинели.

Наша любовь

от письма к письму

прошла сквозь огненные метели.

¹ Окрип — кипляк (украинск.).

ПЕРВАЯ СМЕРТЬ

Ты знаешь,

 есть в нашей солдатской судьбе
первая смерть

 однокашника, друга...

Мы ждали разведчиков в жаркой избе.
молчали

 и трубку курили по кругу.

Картошка дымилась в большом чугуне.

Я трубку набил

 и подал соседу.

Ты знаешь,

 есть заповедь на войне:
дождаться разведку

 и вместе обедать.

«Ну, как там ребята?..»

 «Придут ли назад?» —
каждый из нас повторял эту фразу.

Вошел он.

Сержанту подал автомат.

«Сережа убит...

В голову...

Сразу...»

И если ты

на фронте дружил,

поймешь эту правду —

я ждал, что войдет он

такой,

как в лесах Подмосковия жил,

всегда пулеметною лентой обмотан.

Я ждал его утром.

Шумела пурга.

Он должен притти.

Я сварил концентраты.

Но где-то

в глубоких

смоленских снегах

замерзшее тело

армейского брата.

Ты знаешь, есть в нашей солдатской судьбе
первая смерть...

Говорили по кругу —
и все об одном,
ничего о себе.

Только о мести,
о мести
за друга.

САПЕР

Всю ночь по ледяному насту,
по черным полыньям реки
шли за сапером коренастым
обозы,

танки

и полки.

Их вел на запад

по просекам

простой, спокойный человек.

Прищурившись, смотрел на снег

и мины находил под снегом.

Он шел всю ночь.

Вставал из лога

рассвет в пороховом дыму.

Настанет мир.

На всех дорогах

поставят памятник ему.

ПОДРЫВНИК

К рассвету точки засекут,
а днем начнется наступление.
Но есть стратегия секунд,
и есть секундные сраженья.

И то,
 что может сделать он
и тол
 (пятнадцать килограммов), —
не в силах целый батальон,
пусть даже смелых
 и упрямых.

Он в риске понимает толк.
Уверенно,
 с лихим упорством
вступает он в единоборство

с полком

и разбивает полк.

И рассыпаются мосты.

И падают в густые травы,
обламывая кусты,
на фронт идущие составы.

И в рельсах, согнутых улиткой,
отражена его улыбка.

* * *

Прожили двадцать лет.
Но за год войны
мы видели кровь
и видели смерть
просто,
как видят сны.
Я все это в памяти сберегу:
и первую смерть на войне,
и первую ночь,
когда на снегу
мы спали спина к спине.
Я сына этому обучу.
И пусть
не придется ему воевать:
он будет с другом
плечом к плечу,
как мы, по земле шагать.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

КОСТРЫ

Двести шагов до немецких окопов,
до рукопашной —

подать рукой.

А между нами —

ничи сугробы,

и мертвецы,

и ничей покой.

Здесь,

на переднем,

любят мужчины

поговорить о тепле у костра.

Горсточка мха

да десяток лучинок —

это ночлег

и рассказ до утра.

В деле таком

ни к чему топоры.

Финским ножом лучины наколоты.

Песни вполголоса —

наши костры.

С песнями душу не сводит от холода.

Нам по России пройти довелось

всеми дорогами лютой беды.

Пепел костров

и пепел волос —

это солдатских кочевий следы.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим можно плакать.

Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв.

И умирает друг.
И, значит, смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черед.
За мной одним идет охота.

Ракету просит небосвод
и вмерзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.

Разрыв.

И лейтенант хрипит.

И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже

не в силах ждать.

И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шею.

Бой был короткий.

А потом

глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей

я кровь чужую.

и кутерьма атак
и тыла,
ревущая,
как «ястребок».

Нам отдых сделался постылым
и неуютным городок.

ТОВАРИЩИ

Бойцы из отряда Бажанова
прошли по тылам 120 км, неся
раненого.

Можно вспомнить сейчас,
отдышавшись и успокоясь.
Не орут на дорогах немецкие патрули.
По лесам непролазным
и в озерах студеных по поясу
товарища раненого несли.
Он был ранен в бою,
на изрытом снарядами тракте...
Мы несли его ночью,
дневали в лесу.
Он лежал на траве,
не просил: «Пристрелите. Оставьте».
Он был твердо уверен —
друзья донесут.

Сгиснув зубы до боли,
бинтовали кровавые рамы.
Как забыть этот путь!
Он был так безысходно далек.
Голодали упрямо,
но каждый в глубоких карманах
для него
почерневший сахар берег.
Мы по рекам прошли,
по нехоженным топким болотам.
Мы пробились к своим
и спасли драгоценную жизнь.
Это в битвах рожденный,
пропитанный кровью и потом,
самый истинный,
самый русский
гуманизм.

ТРИ БАЛЛАДЫ

БАЛЛАДА О ДРУЖБЕ

Так

в блиндажах хранят уют
коптилки керосиновой.

Так

дыхание берегут,
когда ползут сквозь минный вой.

Так

раненые кровь хранят,
руками сжав культяпки ног.

.
Был друг хороший у меня,
и дружбу скупю я берег.
И дружбы не было нежней.
Пускай мой след

в снегах простыл, —
среди запутанных лыжней

мою

всегда он находил.

Он возвращался по ночам...

Услышав скрип его сапог,

я знал ---

от стужи он продрог

или

от пота он промок.

Мы дружбу нашу

берегли,

как пехотинцы берегут

метр

окровавленной земли,

когда его в боях берут.

Но встал

и в нашем дележе

сна

и консервов на двоих

вопрос:

кому из нас двоих

остаться на войне в живых.

И он опять напомнил мне,

что ждет его в Тюмени сын.

Ну, что скажу, —

ведь на войне
я в первый раз

побрil усы.

И, видно,

жизнь ему вдвойне
дороже и нужней,

чем мне.

Час

дал на сборы

капитан.

Немалый срок,

немилый срок...

Я совестью себя пытал:

решил,

что дружбу зря берег.

Мне дьявольски хотелось жить, —

пусть даже врозь,

пусть не дружить.

Ну, хорошо,

пусть мне итти,

пусть он останется в живых.

Поделит

с кем-нибудь пути

и сон,

и кашу

на двоих.

И я шагнул через порог...

Но было мне не суждено
погибнуть в переделке этой.

Твердя проклятие одно,
приполз я на КП

к рассвету.

В блиндаже

рассказали мне,

что

по моей лыжне ушел он.

Так это он

всю ночь

в огне

глушил их исступленно толом!

Так это он

из-за бугра

бил наповал из автомата!

Так это он

из всех наград

избрал одну —

любовь солдата!

Он не вернулся...

Мне в живых
считаться,
числиться по спискам.

Но с кем я буду на двоих
делить судьбу
с армейским риском?

Не зря мы дружбу берегли,
как пехотинцы берегут
метр
окровавленной земли,
когда его в боях берут.

БАЛЛАДА ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

Наши ушли к востоку.

Немцы

идут позади.

Раздробленный пулями локоть
до тошноты зудит.

И прошлогодняя стынет
листва

в продрогшем леске.

И раненый пехотинец
на винницком большаке.

Такая неразбериха.

Податься ему куда?

Один пехотинец...

И тихо

крадется за ним беда.

А опухоль окаменела —
не поместить в рукаве.

Быть может,
лучшим уделом —
лежать в прошлогодней листве?..
А может быть,
лучше
парню
пулей разбить висок?..
...Один пехотинец,
без армии.
Ушли земляки на восток.
Без имени
и без отчества
лежат мертвецы окрест.
Так вот оно,
одинокчество
веками обжитых мест.
И падает пехотинец
в продутом,
в продрогшем леске.
...И только
раненый немец
на винницком большаке.
Бойтся он:
лес заманит,
и будут душить тополя.

Зачем ты пришел,
германец,

на винницкие поля?

И вдруг

пехотинец увидел
грязно-зеленый френч.

Так вот они —

все обиды
всех отступлений

и встреч.

...Скрипели от ветра сквозного
обугленные стволы...

Сошлись они.

И ни слова.

И руки сплелись в узлы.

Схватились.

И некуда деться
от липких

багровых брызг.

И, падая,

горло немца
зубами он перегрыз.

Так кончилось одиночество.

БАЛЛАДА О ДОМЕ

Запомнил он себя таким:
все было мальчику босому
здесь непонятным
и родным —
голубоватый,
невесомый,
над крышами повисший дым.
И сад,
закутанный в солому,
и льдинки
у отца в усах.
Он больше года не был дома.
И вот опять
в родных краях.
(Румын разбив на правом фланге,
мы фронт прорвали у высот.

Под боевым, гвардейским флагом
дивизия пошла вперед.
Но немцы, выставив заслоны,
нас удержали у реки.
И дан приказ по батальонам:
залечь и отомкнуть штыки.
И дан приказ: построить здесь
землянки — бревна в три наката.)
...Но если у солдата есть
за десять верст отсюда
хата,
где все чуланы и углы
ему молитвенно известны,
где к праздникам
скребли полы,
где люди
неразлучны с песней, —
не станет никогда родным
ему передний край.
Не станет.
Его
голубоватый дым
вперед
сильней приказа тянет.

Его

голубоватый дым
тревожит днем

и ночью будит.

Не будет никогда родным
ему передний край.

Не будет.

(Нам тоже было трудно ждать
и рыть просторные землянки.
Нам тоже было больно знать,
что в землю закопали танки.
Но так, как он, — никто не ждал
начала яростной атаки.)
...Упала красная звезда,
рванулись из укрытий танки.

И он рванулся.

По родной
земле,

знакомой с малолетства.

Пошел под пули,

как святой,

как замороженный.

д: эля

О детство!

О дым,
 как небо, голубой!
О дом —
 отцовское наследство!
(С утра отчаянно мело.
По горло ветер, снег по плечи.
Был трудный день. Был тихий вечер.
Наш батальон вошел в село.
Кто знает этот миг?! Безлюдье..
Потрескивая, сад горит.
У опрокинутых орудий
лежат чужие пушки.)
...А он,
 неистовый и шальный,
горланя песню на бегу,
вдруг,
 будто раненый,
 устало
стал на колени
 на снегу.
Здесь было все ему родным,
и сразу стало
 все понятным:
и голубой
 бездомный дым,

и красные

на белом

пятна.

Мы дальше шли.

Но он берег,

как завещанье,

невесомый

жилья сожженного дымок —

последнее дыханье дома.



МЕЖДУ БОЯМИ

СТАЛИНГРАДСКАЯ ТИШИНА

Последний залп.

И после дней бессонных
дождались мы невиданного сна.

И наконец-то

с третьим эшелоном
сюда пришла сплошная тишина.

Она лежит,

неслыханно большая,
на гильзах

и на битых кирпичках,
таким сердцебиеньем оглушая,
что с ходу засыпаешь,

сгоряча.

И сталинградец

в эту ночь

впервые

снял сапоги

и расстегнул ремни.

Не всех убитых погребли живые,

но в очагах затеплились огни.

И пусть кружатся «Юнкерсы» над нами,
испуганно разглядывая флаг.

Спим без сапог.

Пудовыми кусками

прилип к ним рыжеватый известняк.

— А у тебя зеленые глаза,
такие же, как у моей зазнобы,—
приятель мне задумчиво сказал.

Раскинув руки,

мы уснули оба.

НЕБЕСА

Такое небо!

Из окна
посмотришь черными глазами,—
и выест их голубизна
и переполнит небесами.

Отвыкнуть можно от небес,
глядеть с проклятьем
и опаской,
чтоб во-время укрыться в лес
и не погибнуть под фугаской.

И можно месяц,
можно два
под визг сирен на землю падать
и слушать,
как шумит трава
и стонет под свинцовым градом.

Я ко всему привыкнуть смог,
но только не лежать часами.
И у расстрелянных дорог
опять любуюсь небесами.

УКРАИНА

Я до войны покинул этот край.
Провинция...

И мне тогда казалось,
наш южный говор,
наш базарный грай
кончаются за киевским вокзалом.

Вчера пришел из Киева земляк.
Он обагрил на площади Богдана
немецкой кровью

дедовский тесак,
старинного полтавского чекана.
Он рассказал,
что немцы
на кресты
срубили там акации и клены.

...Как далеко ленивые плоты
и гакающий говор плотогонов!

Мы ночь проговорили о Днепре,
о пристанях до самого Херсона.
И хуторок припомнил на заре
я голосом торжественным и сонным.

Я жил там год,
там степь и самосад.

И, кашляя от горьких самокруток,
мальчишки удивляются:

висят
шелка над ними,
сотканые круто.

Земляк собрался.

«Значит, через день
я снова в Киев.

Что сказать Богдану?»

Земляче,

никогда, скажи,
нигде
я мстить за Украину не устану.

ОН ГОВОРИЛ...

Легла на поле самолета тень.
Она крестом перечеркнула травы.
Он говорил:

«И недалек тот день...»

И день настанет.

Будет вдоволь славы,
И радости в заждавшихся сердцах,
И отдыха на выжженных полях.

Настанет день
большой победы нашей.

И в этот день

с усталых плеч
мы снимем ранцы,
полк замрет на марше,
и полководца пламенная речь
над краем прозвучит —

край отвоеван нами

в боях суровых,
русскими штыками.

Да,
будет вдоволь отдыха и славы.

Мы вспомним мины,
и снега по грудь,
и самолет, перечеркнувший травы,
и на Сухиничи метельный путь,
однополкани, погибших в том году
на выжженных полях,
на обгавленном льду.

Мы шли всю ночь
на пламя деревень.

Поля чернели снегом ноздреватым.

И каждый помнил:

«Недалек тот день...»

И мы сильнее сжимали автоматы.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Начало

Путь	3
Любовь	6
Первая смерть	8
Сапер	11
Подрывник	12
Прожили двадцать лет	14

На переднем крае

Костры	16
Перед атакой	18
Отдых	20
Товарищи	22

Три баллады

Баллада о дружбе	24
Баллада об одиночестве	29
Баллада о доме	32

Стр.

Между боями

Сталинградская тишина	37
Небеса	39
Трава	41
Украина	42
Он говорил...	44

Редактор С. Обрадович

А2668 Подп. к печати 25/XI 1943 г. Печ. л. 1 $\frac{1}{2}$ Уч.-изд. л. 1,63

Авт. л. 1,47. Закав 764. Цена 1 р. 50 к. Тираж 5000.

6-я типография ОГИЗ. Москва, 1-й Самотечный, 17.

1 р. 50 к.